

О.П. Зубец

Не метафизические основания этики, но этика как первая философия

Зубец Ольга Прокофьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: olgazubets@mail.ru

Статья основана на критике анализа связи аристотелевской этики с метафизикой через выявление метафизических оснований этики, которое неизбежно низводит этику до некоего следствия, вывода из метафизики. Автор показывает, что с самого возникновения философии два центральных вопроса о начале и познании самого себя были этическими и возникли как вопросы бытия философа самим собой. Их этическое основание проявляет себя и в том едином ответе, который дан в аристотелевском этическом учении, отождествляющем бытие самого себя с бытием начала поступка. Не только единство важнейших понятий метафизики и этики Аристотеля, но, в первую очередь, предельность понятия поступка как актуальной действительности, единого и единственного бытия человека как самого себя указывает на возможность понимания этики как первой философии.

Ключевые слова: Аристотель, этика, бытие, поступок, ἐνέργεια, бытие самого себя, начало (ἀρχή), первая философия

Мое главное и исходное возражение А.А. Санжениакову связано с критикой подхода, с самой постановкой им задачи, которую он формулирует как выявление метафизических оснований этики, в данном случае – аристотелевской этики. Предлагаемый взгляд, основанный на идее приоритета метафизики и гносеологии, оборачивается еще большим укоренением гносеологизма в способе рассмотрения этических вопросов и приводит к еще большему разрыву метафизики и этики. Сама задача «выявления метафизических оснований этики», на мой взгляд, философско-этически ущербна, так как изначально низводит этику на место выводимого следствия. Ей противостоит как понимание этических оснований самого формирования метафизической и гносеологической проблематики в античности, так и вырастающее из него понимание этики как первой философии, как метафизики, как философии бытия.

Обратимся сначала к первому. Философия с самого начала, с античности была этикой. Она не приходит к этическим вопросам после удовлетворения своих метафизических и гносеологических амбиций: она начинает с этических вопросов, когда философское мышление возникает через захваченность

двумя целями – поиском *самого себя* и поиском *начала*, первоначала мира, объединенным устремлением к бытию как тому, что избирает, к чему стремится человек. В поисках совершенного образа жизни и знания человек обращается к предельным понятиям, которые не могут быть ни результатом, ни инструментом познания. Так рождается философия. Стремление дойти до единого, целого, самодостаточности и бескачественного имеет моральное основание и не может быть результатом познавательного усилия, так же как невозможно прийти к предельным понятиям бытия и поступка через познание: наука о них невозможна.

И закономерно этический смысл двух начальных вопросов, по своему звучанию гносеологических и онтологических, обернулся тем, что в некоей кульминационной точке они получают этический ответ, когда Аристотель находит действительность, бытие *самого себя* человека в самодостаточном поступке, начало которого возведено к самому человеку. *Самое себя* было понято им как абсолютное *начало* поступка и стало понятием субъекта, о формировании которого, по словам Пьера Адо, прежде всего думала античность.

Аристотелевская этика основана на понимании, что невозможно дать ответ о содержании добродетели, не отвечая на вопрос о том, как *быть* добродетельным, что для нее есть, в первую очередь, вопрос о поступке, о несоизмеримости активности и пассивности, об основополагающей для человека аксиологической асимметрии, порожденной стремлением к бытию: тут этический вопрос оказывается метафизическим. Философская этика оборачивается метафизикой, так как в ней мысль обращена к человеку как абсолютному началу и к человеческому бытию, а метафизика – этикой в силу того, что ее идеи абсолюта и бытия в своей полноте включают человека, причем именно того самого человека, который решается на поступок помыслить их и сам бытийствует как абсолютное начало.

Понятие поступка отвечает на важнейший и изначальный вопрос философа: как возможно мое бытие? Как возможно мое бытие как *самого себя* (а всякое иное не есть *мое*). Можно сказать, что это ключевой и исходный онтологический вопрос. Для мыслителя вопрос о бытии есть вопрос о *его* бытии и избираемом *им* бытии, что есть одно и то же и в этой тождественности выражает не только специфику вопроса о человеке, но и специфику философской постановки вопроса о бытии как таковом и о мире. Как философское понятие поступок задается в оптике самого философа, а в ней бытие осуществляется в мыслительной деятельности. С точки зрения бытия она не порождена своим содержанием и не скована им: речь о бытии мыслящего, а не о содержании мысли. Идея бытия философа в акте мысли порождает этику в ее противостоянии гносеологии и полагает идею самодостаточности человеческой активности. Напряжение между этическим и гносеологическим возникает вновь, когда философ задумывается о бытии добродетельным человеком, то есть о бытии человеком в действии и речи, и связывает доброкачественность последних со знанием: тут философия переходит от Парменида к Сократу. Но очарование знанием было не долгим – Сократ задает вопросы, но почти не дает ответов, и если дает – то понимая само знание не чисто гносеологически, но предзадавая его и проверяя его тем же действием и речью, понимаемыми этически. Для философа человек (он сам) есть мыслящее и не знающее существо, стремящееся

к истине как к завершенности, неотменимости и полноте, которые не может дать ему ни вечно незавершенное познание, ни бесконечно себя продолжающее мышление. И это этически укорененное стремление приводит философа к этическому ответу: мысль тогда становится полной и неотменимой, когда является поступком. Парменидовское тождество бытия и мышления здесь разворачивается в единстве двух открытий: мысль сама является образом жизни, более того, поступком философа в силу того, что он признает ее своей и ответственен за нее, а мышление тогда лишь способно дать ответ на собственные вопросы, когда обрушивается в поступок как действие и речь. Так, Сократ, погружившийся в описание случаев справедливой и несправедливой лжи, находит ответ лишь в одном – в том, что сам он никогда не лжет, и в этом его мысль обретает искомую завершенность и абсолютность. В этой точке философия поступка или этика открыто обнаруживает себя как первая философия.

Философ, одинокий в мышлении, тем не менее не был одинок в самодостаточности: его сопровождали еще два образа – героя и бога. Идея бога воплощала мысль об абсолютном начале мира, а идея героя – мысль об абсолютном начале деяния, о том, кто принимает решение о действии и слове. Так Сократ оказался лицом к лицу с Ахиллом, так возник вопрос: есть ли нечто общее, что делает их самодостаточными? Этот вопрос сформулирован Аристотелем как бы мимоходом во «Второй Аналитике» как вопрос о нескольких или одном понятии величавости. Ответ на него дан в «Никомаховой этике», где Аристотель задает лишь одно, единое понятие величавости, создавая почти скульптурный портрет Величавого и утверждая то общее, что есть у Сократа и Ахилла, – это самодостаточное бытие началом (субъектом): в одном случае действия и речи, а в другом – мысли (которая, принятая всерьез как своя, тоже становится действием и речью). Таким образом, вопрос о бытии самого себя получил этический ответ: это бытие начала поступка (морального субъекта).

Единство этики и метафизики у Аристотеля выражено уже в их понятийном единстве: в «Никомаховой этике» понятия ἐνέργεια, δόνασις (и их этические корреляты πρᾶξις и ἔξις) и ἀρχή являются важнейшими, именно они раскрывают сущность понятия поступка – центрального понятия аристотелевской этики, а в «Метафизике» Аристотель обращается к понятию поступка для раскрытия содержания этих понятий. В сущности, понятия деятельного актуального бытия (ἐνέργεια) и поступка являются синонимичными. Но обнаружение понятийной (терминологической) близости есть лишь касание поверхности, в глубине же – идея аристотелевской этики как метафизики, которая хотя и кажется вызывающей, имеет целый ряд сторонников. Достаточно назвать М.М. Бахтина с его утверждением: «Только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности, только на нем может ориентироваться первая философия»¹, – и, например, книгу современного антиковеда Клаудии Бараччи «Аристотелевская этика как первая философия»², или вывод Герберта Грэнджера, «что моделью, лежащей в основе аристотелевской телеологии, природной или метафизической, является не его биология и даже не искус-

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 28–29.

² Baracchi C. Aristotle's Ethics as First Philosophy. N. Y., 2008.

ства, но его теория поступка»³, или работы А.А. Гусейнова о нравственной философии как первой философии⁴, или понимание аристотелевской этики как «онтологической радикализации» поступка, высвечивающей «бытийный характер «ἐξίς и ...ἀρετή», у М. Хайдеггера⁵.

Поступок как единое и единственное бытие в его конкретной действительности, как актуальная действительность, есть предельное понятие, соразмерное и родственное понятию бытия: они есть *предельные* понятия и схватываются только философским мышлением, ни в какой иной области знания и не через рациональные процедуры (которые вторичны): об этом пишет В.В. Бибахин⁶. К ним неприменима логика детерминизма, детерминистическое описание и объяснение: поступок предельно и в том, что отменяет последние. Отношение между началом поступка и самим поступком не есть отношение причины и следствия: начало существует лишь в самом поступке, это его бытие, оно не предшествует ему и не умирает в нем, подобно причинам эмпирического мира. Оно не предшествует ему во времени и не отделено от него в пространстве. И именно поэтому поступок дан мне в чувствующем разуме или разумном чувстве именно так, как это описывает В.В. Бибахин: «Положение человека перед последними, “отдельными” вещами такое же странное, как перед первыми сущностями. Руководства его оставили. Он впервые и вдруг абсолютно свободен»; но при этом и отдан чему-то другому, неотменимости поступка: «человеческая жизнь открывается как место, где события могут случаться неотменимо», и именно в этой неотменимости светит абсолютность поступка как ἐνέργεια⁷.

Актуальное деятельное бытие человека, ἐνέργεια, есть πρᾶξις: оба эти понятия (о тождественности которых он говорит напрямую) Аристотель связывает с *имманентностью цели и бытием действующего в действии*, принципиально отличая от движения, дела и творения. Но ведь и сама цель заключается в бытии поступающим: цель и бытие слиты. И в этом смысле деятельное бытие всегда и актуально и завершено, оно отменяет причинно-следственное понимание целеполагания. И тут проявляет себя ущербность языка: полнота бытия в поступке собственно не может быть целью, само целеполагающее существо бытийствует лишь в нем и не может бытийствовать частично, но лишь в своей полноте. В этом смысле поступок абсолютен и бесцелен (ἀ-τελής), как и бытие как таковое. Эмпирическое действие никогда не полно и не завершено, продолжаясь и переосмысливаясь в бесконечных следствиях, но поступок изначально полон, завершён и вневременен, его смысл и ценность даны в нем и неизменны в вечности: совершивший зло навечно остается совершившим зло. Полнота бытия в поступке выражается в его неустраимости, окончательности и в том, что оно охватывает собой все: у бытия и у поступка нет результатов, нет следствий, невозможно выйти за их пределы.

³ Granger H. Aristotle on the Analogy between Action and Nature // The Classical Quarterly. New Series. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 168 (“This indicates that the model behind Aristotle’s teleology, whether natural or metaphysical, is not his biology, or even the arts, but his theory of action”).

⁴ Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия // Вopr. философии. 2017. № 6, 7.

⁵ Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. СПб., 2012. С. 139.

⁶ Бибахин В.В. Понятие предела у Аристотеля. URL: http://www.bibikhin.ru/chuvstvo_predela_u_aristotelya (дата обращения: 22.01.2018).

⁷ Там же.

У В.В. Бибихина есть такое высказывание, что «катастрофа, происходящая с моей мыслью в чужой голове, это одновременно рождение там новой мысли». И в этом смысле то, как А.А. Санжеников излагает мою мысль в последнем абзаце, есть катастрофа (ἐνέρυεια как человеческое бытие не реализует некую возможность, существующую вне нее и до нее, но порождает возможность, мощь бытия: и эта возможность существует только в поступке, а вне его ее нет, как нет небытия), но, по-видимому, это есть и рождение собственной идеи автора доклада. И все же путь от метафизики к этике закономерно оборачивается неблагоприятием, аристотелевская этика остается скрытой, если не уничтоженной, таким подходом, а ее основные понятия и идеи незамеченными⁸. Даже обнаруживая некоторое разочарование результатом, нельзя не выразить удовлетворение самой постановкой вопроса, стремлением соединить, состыковать, выявить внутреннее единство этики и метафизики.

Список литературы

Гусейнов А.А. Философия поступка как первая философия. (Опыт интерпретации нравственной философии М.М. Бахтина) Статья первая: Быть – значит поступать // *Вопр. философии*. 2017. № 6. С. 5–15.

Гусейнов А.А. Статья вторая: Первая философия как нравственная философия // *Вопр. философии*. 2017. № 7. С. 65–74.

Бахтин М.М. К философии поступка // *Бахтин М.М. Собр. соч.* М.: Рус. слов.; Яз. славян. культуры, 2003. Т. 1. С. 7–68.

Бибихин В.В. Чувство предела у Аристотеля. URL: http://www.bibikhin.ru/chuvstvo_predela_u_aristotelya (дата обращения: 22.01.2018).

Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. (Экспозиция герменевтической ситуации) / Пер. с нем., предисл., науч. ред., сост. слов. Н.А. Артеменко. СПб.: Гуманитар. Акад., 2012. 224 с.

Baracchi C. Aristotle's Ethics as First Philosophy. N. Y.: Cambridge UP, 2008. 342 p.

Granger H. Aristotle on the Analogy between Action and Nature // *The Classical Quarterly*. New Series. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 168–176.

On Ethics as the First Philosophy but Not on the Metaphysical Foundations of Ethics

Olga P. Zubets

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Gocharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: olgazubets@mail.ru

The article is based on the disagreement with the attempts to see the connection between ethics and metaphysics through the idea of the metaphysical foundation of ethics which puts ethics on the secondary, derived part of philosophy. From the very beginning of philosophy it put forward two interconnected questions of the one whole basis of the world, of the ἀρχή

⁸ Среди них укажем, в первую очередь, саму теорию поступка, добродетели. А. Санжеников обращает внимание на аристотелевское разведение кинесиса и энергии, но совсем упускает из виду то различие, которое является важнейшим именно в этике – поступка и творения. Можно привести и много иных примеров.

and of the being oneself, both of which were basically ethical and could not get their answer through cognition. Even more, they were the questions about being oneself of a philosopher in the act of thinking. The ethical essence of these questions becomes especially vivid when Aristotle unites them in his answer when he finds the way of being oneself in being ἀρχή of an act, of πράξις. In the *Nicomachean Ethics* Aristotle directly indicates the identification of ἐνέργεια with the act: the point is not in the fact that Aristotle uses metaphysical and ethical terms for their intermutual definition, but in their essential identity and ethical basis: they mean the immanency of goal and the acting one's being in the act. The notion of an act appears to be the final philosophical concept realizing ethics as the first philosophy.

Keywords: Aristotle, ethics, Being, Act, ἀρχή, ἐνέργεια, Being of oneself, the first philosophy

References

Bakhtin, M.M. “K filosofii postupka” [Towards the Philosophy of an Act], in: M.M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Complete works], vol. 1. Moscow: Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2003, pp. 7–68. (In Russian)

Baracchi, C. *Aristotle's Ethics as First Philosophy*. New York: Cambridge UP, 2008. 342 pp.

Bibikhin, V.V. “Chuvstvo predela u Aristotelya” [The Feeling of the Limit in Aristotle], [http://www.bibikhin.ru/chuvstvo_predela_u_aristotelya, accessed on 22.01.2018]. (In Russian)

Granger, H. “Aristotle on the Analogy between Action and Nature”, *The Classical Quarterly. New Series*, 1993, vol. 43, No. 1, pp. 168–176.

Guseynov, A.A. “Filosofiya postupka kak pervaya filosofiya. (Opyt interpretatsii npravstvennoi filosofii M.M. Bakhtina.) Stat'ya pervaya: Byt' – znachit postupat'” [The Philosophy of an Act as the First Philosophy (An Interpretation of the M. Bakhtin's Moral Philosophy.) The First Article: To Be Means To Act], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 6, pp. 5–15. (In Russian).

Guseynov, A.A. “Stat'ya vtoraya: Pervaya filosofiya kak npravstvennaya filosofiya” [The Second Article: The First Philosophy as The Moral Philosophy], *Voprosy filosofii*, 2017, No. 7, pp. 65–74. (In Russian)

Heidegger, M. *Fenomenologicheskie interpretacii Aristotelja (Jekspozicija germenevticheskoi situacii)* [Phenomenological Interpretations of Aristotle: Initiation into Phenomenological Research], trans. by N.A. Artemenko. St. Petersburg: Gumanitarnaja Akademija Publ., 2012. 224 pp. (In Russian)